

Глава I

После смерти отца в наследство Юсуфу досталось немного: хижина, корова, колодец и садик. Остальное пришлось отдать за долги: большую часть — падишаху, меньшую — старосте деревни.

Когда отца похоронили, мать сказала Юсуфу:

— Хочешь не хочешь, а придётся тебе пойти к падишаху и наняться на службу в его войско.

Юсуфу едва исполнилось двенадцать лет. Он был ещё мал и глуп и не понимал, что спорить со старшими нехорошо.

— Зачем я пойду к падишаху? — ответил он матери. — Пускай сам придёт сюда. Ведь это ему, а не мне нужно войско.

— Шшш, тише! — Мать в испуге оглянулась по сторонам. — Что ты говоришь? Если падишах услышит, он прикажет тебя казнить!

И в самом деле, слова Юсуфа дошли до ушей падишаха. Правитель, который притесняет народ, боится своих подданных, а потому повсюду держит доносчиков. Они-то и донесли падишаху, что говорил Юсуф. Тогда падишах и вправду пожаловал к нему на двор. Юсуф, который никогда не видел своего падишаха, удивился и спросил:

— Ты кто такой?

— Я п-п-п-падишах С-с-с-саламат, — ответил падишах.

— Вот тебе и на! — рассмеялся Юсуф. — Да ты, никак, заика? Неужели все падишахи заикаются?

Падишах очень рассердился, но, вспомнив, что ему нужны солдаты, подавил гнев и сказал:

— Нет, н-н-н-не все падишахи заики. Есть среди нас и с-с-с-слепые, есть и г-г-г-глухие. Одним словом, у каждого падишаха — своя болезнь.

— А какая болезнь у тебя? — спросил Юсуф.

— Моя болезнь называется ж-ж-жестокосердием, — ответил падишах заикаясь. — Это очень т-т-тяжёлая болезнь, и мне только тогда становится легче, когда я сорву на ком-нибудь з-з-зло.

Но до каких же пор можно писать, заикаясь вместе с падишахом? Если я и дальше стану так писать, боюсь, как бы и моё перо не стало в конце концов заикаться. Поэтому я теперь буду писать просто, а вы, когда дойдёте до слов падишаха, попробуйте заикаться сами. Уверяю вас, получите большое удовольствие!

— Так ты что же, пришёл сюда, чтобы сорвать на мне зло? — спросил Юсуф.

— Нет, нет, что ты! — встревожился падишах. — Я пришёл записать тебя в своё войско.

— А какое ты мне жалованье положишь?

— Я своим солдатам жалованье не плачу, они получают четвертую часть из награбленного.

— Из награбленного?

— Ну да, моё войско грабит чужие страны, приносит добычу мне, а я отдаю солдатам четвертую часть. Но такие, как ты, получают меньше — ты ещё маленький и много награбить не сможешь. Говори скорей, пойдёшь ко мне в войско или нет, а то мне некогда с тобой долго разговаривать!

— А в других странах тоже люди живут? — спросил Юсуф.

— Конечно. Такие же, как и у нас.

— Тогда я не пойду к тебе на службу!

— Не пойдёшь?! — грозно закричал падишах. — А знаешь ли ты, с кем разговариваешь? Я падишах, сын падишаха, великий Саламат!

— А знаешь ли, с кем ты разговариваешь? — гордо сказал Юсуф. — Я Юсуф, сын сапожника!

Падишах усмехнулся. Он подумал, что мальчик совсем глупый, и решил испробовать другой способ. Оглядевшись по сторонам, он увидел, что хижина Юсуфа стоит в маленьком садике, утопающем в цветах. Он посмотрел на цветы и сказал:

— Какие чудесные цветы растут у тебя в саду! Юсуфу пришло по душе похвала падишаха, и он сказал:

— Возьми любой цветок, какой тебе понравится.

— Если такие чудесные цветы растут на этой земле, — сказал падишах, — то как же хороша должна быть сама земля! Почему бы мне не взять её себе?

Падишах хлопнул в ладоши, и сразу же появилось пятьдесят вооружённых солдат. Они объявили садик Юсуфа собственностью падишаха, и теперь уже Юсуф не смел сорвать ни одного цветка с грядки, ни одного плода с дерева. На другой день мать сказала Юсуфу:

— Ну вот, нет у нас теперь больше и садика! Иди нанимайся на службу к падишаху.

— Если я поступлю в войско падишаха, я заболею его болезнью — жестокосердием. Разве ты хочешь, мама, чтобы твой сын заболел?

— Что ты, что ты, сынок! — Мать заткнула уши руками. — Я день и ночь молю небо о твоём здоровье!

Мать вышла из хижины, а Юсуф взял ведро и пошёл к колодцу, чтобы напоить свою корову.

И вдруг он увидел у себя в садике, который теперь принадлежал уже не им, а падишаху, девочку, одетую в великолепные, дорогие одежды.

— Ты здесь зачем? — спросил Юсуф.

— Я пришла посмотреть наш новый сад. Ты должен кланяться мне почтительно, — ответила девочка.

— Это почему? — спросил Юсуф.

— Потому что я дочь великого падишаха Саламата! — гордо сказала она.

— А я сын сапожника! — так же гордо сказал Юсуф.

— У меня платье расшито алмазными звёздами! — сказала дочь падишаха.

— А у меня зубы крепче всех твоих алмазов! — сказал Юсуф.

— Я каждый день ем морковную халву! — сказала она.

— А я сам выращиваю морковь! — сказал Юсуф. — Ты умеешь выращивать морковь?

— Нет, — сказала дочь падишаха.

— Ты умеешь только есть халву! — с укоризной сказал Юсуф. — Чего тебе тут надо?

Говори прямо!

— Я хочу пить, — сказала девочка.

Юсуф достал из колодца воды и дал ей напиться.

Выпив всё до капли, она сказала:

— Какая сладкая вода в твоём колодце! Я никогда в жизни не пила такой вкусной

воды!

Юсуфу пришлось по душе её похвала, и он сказал:

— Приходи сюда каждый день, и я буду доставать для тебя из колодца столько воды, сколько ты пожелаешь.

«Если в этом колодце такая вкусная, сладкая вода, — подумала дочь падишаха, — то какой же хороший должен быть сам колодец! Почему бы мне не забрать его себе?»

Она хлопнула в ладоши, и сейчас же появилось пятьдесят вооружённых солдат. Они запечатали колодец Юсуфа печатью падишаха, и с этой минуты Юсуф уже не смел достать из колодца ни одной чашки воды.

На третий день мать опять сказала Юсуфу:

— Сынок, придётся тебе всё-таки идти к падишаху, иначе мы с тобой умрём с голоду.

— Мама, — сказал Юсуф, — у нас ещё осталась корова. Я отведу её к старосте. Он даст нам за неё немного денег, и мы купим себе хлеба. Несколько дней проживём, а там видно будет.

Мать заплакала. Она очень любила свою корову. Но голод не шутка. Юсуф накинул на шею корове верёвку и повёл её к старосте.

Староста спросил:

— Сколько ваша корова даёт молока?

— Три сира¹ в день. Очень хорошее молоко! Попробуйте сами.

— Когда твой отец был жив, — сказал староста, — он говорил мне, что корова очень хорошая, только молока мало даёт — всего три сира в день. Поэтому я заплачу тебе за корову три рупии².

— Только три рупии? — воскликнул Юсуф удивлённо.

— Да, — сказал староста, — целых три! За каждый сир по рупии. Три сира молока — три рупии. Если бы твоя корова давала сорок сиров, я бы дал тебе за неё сорок рупий. Ну, а что ж поделаешь, если она даёт только три сира? Забирай свои три рупии. Счёт совершенно верный.

Откуда бедному Юсуфу было знать счёт? Он только сказал:

— Дядюшка, как же я обойдусь этими тремя рупиями?

— Ну тогда возьми три зёрнышка, — сказал староста.

— Какие три зёрнышка?

— Волшебные! Мне дал их один волшебник. Старик был в долгу у меня и вместо денег отдал эти три зёрнышка. Он сказал, что если зёрнышки посадить в землю, то на другой день из них вырастет волшебное дерево. Верхушка его поднимется выше облаков, и ты сможешь добраться по ветвям до самого неба. Но только запомни: все три зёрнышка непременно нужно посадить вместе, иначе проку не будет.

Юсуф с любопытством слушал старосту. Наконец староста сказал:

— Ну выбирай: три зёрнышка или три рупии?

Юсуф быстро схватил зёрнышки, зажал их в кулак и что есть духу побежал домой. Староста смотрел вслед убегающему Юсуфу и хохотал:

— Здорово я одурачил этого осла!

Когда Юсуф прибежал домой, мать спросила его:

— Принёс деньги?

— Я принёс волшебные зёрнышки. Мать схватилась руками за голову:

— Ты ведь уже большой мальчик, Юсуф! И когда только ты поумнееешь! Если бы ты принёс денег, мы купили бы себе хлеба на несколько дней. Какой ты ещё глупый, сынок!

— Эти зёрнышки волшебные, — сказал Юсуф. — Если их посадить в землю, из них

¹ Сир — мера веса, равная приблизительно 900 граммам.

² Рупия — основная денежная единица Индии, равная примерно 84 копейкам.

вырастет волшебное дерево выше облаков. Я заберусь по его ветвям на небо.

— Что ты будешь там делать? — спросила мать.

— Принесу тебе звёзд с неба! — ответил сын.

Мать только головой покачала:

— Ну и выдумщик же ты у меня, сынок! Ведь староста просто-напросто обманул тебя... Пойду к соседке, попрошу у неё чего-нибудь поесть.

Когда мать ушла, Юсуф положил свои зёрнышки на траву и принялся копать в земле ямку, чтобы посадить их. В это время, откуда ни возьмись, прилетела ворона. Она каркнула, схватила два зёрнышка и улетела. Юсуф очень испугался — ведь староста сказал ему, что все три зёрнышка надо непременно посадить вместе, иначе толку не будет. Он даже заплакал с горя:

— Нет у меня коровы, нет у меня денег, а теперь не стало и волшебных зёрнышек!

На траве лежало только одно-единственное зерно — последнее! Что было делать Юсуфу? Он подумал, подумал и решил: будь что будет! Не вырастет волшебное дерево, так, может быть, вырастет хоть какой-нибудь цветок. Посадив зёрнышко в мягкую, разрыхлённую землю, Юсуф пошёл домой и лёг спать.

Ночью разыгралась буря. Всё небо гремело, лил дождь, сверкали молнии, ветер сотрясал хижину. Юсуф всю ночь не мог уснуть. Несколько раз он вставал и при свете молний смотрел в окно на то место, где посадил зёрнышко. Однако никакого волшебного дерева он там не увидел.

Когда наступило утро и буря утихла, Юсуф выбежал в садик. Ветер поломал цветы, многие деревья лежали, вывороченные с корнем, и, словно нарочно, как раз в то место, где он посадил зёрнышко, ударила молния. В земле зияла глубокая чёрная яма, а волшебного дерева, которое бы доросло до самого неба, нигде не было видно. Юсуф очень опечалился, мать заплакала. Но когда Юсуф заглянул в яму, он увидел настоящее чудо. Дерево всё-таки выросло за одну ночь! Оно было огромное, ветвистое, только росло не как все деревья, а наоборот. Иначе говоря, вместо того чтобы расти к небу, его ветви уходили глубоко под землю. На многие мили уходило оно в глубь земли, и вершина его терялась в темноте.

— Вот жалость-то! — воскликнула мать, всплеснув руками. — Такое хорошее дерево и вдруг выросло перевернутое — вверх корнями, вниз ветвями! Это всё проделки старосты!

Юсуф спрыгнул в яму, обнял ствол дерева руками и сказал матери:

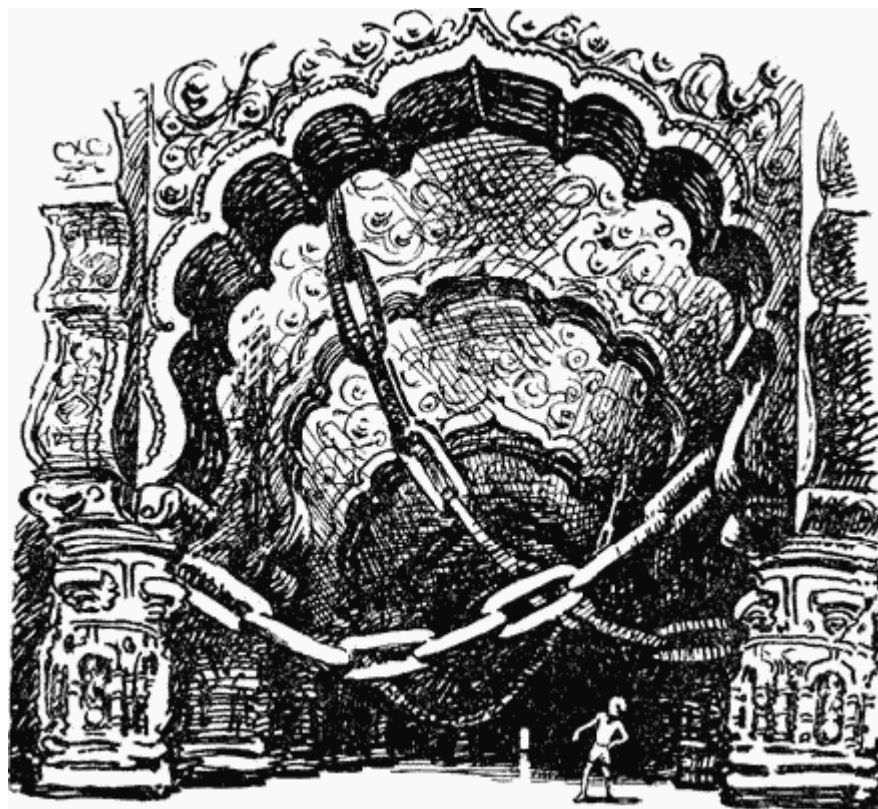
— Вверх ли оно растёт или вниз, всё равно я полезу по его ветвям и посмотрю, куда оно меня приведёт.

— Ох, сынок, только не спускайся под землю! — взмолилась мать. — Ведь там совсем темно. Как ни смотри, кроме темноты, ничего не увидишь.

Но Юсуф не послушался матери и начал быстро спускаться вниз по стволу. Сначала солнечные лучи провожали его, освещая ему путь. Но чем глубже он спускался, тем становилось всё темнее и темнее. Юсуф очутился в полной темноте и стал ощупью перебираться с ветки на ветку.

Глава II

Вот Юсуф попал в такую непроглядную тьму, что уже ничего не мог различить. Вдруг откуда-то до его ушей донёсся смутный гул далёких голосов — молодых и старых, хриплых и звонких: «Смерть! Смерть! Нет пощады тиранам! Поднимайтесь на борьбу! Зажигайте факелы! Кто зажжёт факелы?..»

Юсуф очень испугался. Он стал шарить вокруг себя руками и у самого дерева нащупал лестницу. Куда она ведёт? Юсуф перебрался с дерева на ступеньку и пошёл вверх по лестнице. Скоро она привела его к двери. Он постучался. Дверь открылась, и Юсуф оказался в большом сводчатом зале. На окнах были железные решётки, а в неглубокой нише стояла восковая свеча. В зале никого не было, однако Юсуфу показалось, что где-то совсем рядом шумно спорит между собой множество людей.

— Кто здесь? — крикнул он громко.

— Кто здесь? Кто здесь? — повторило эхо под сводчатым потолком, и со всех сторон грянул смех.

От ужаса у Юсуфа волосы на голове зашевелились. Но он был не из робких и опять крикнул:

— Эй, кто там смеётся? Выходи вперёд! В ответ ему раздался тот же смех. Кругом вновь заговорили, закричали... Можно было подумать, что здесь невидимо происходит не одно, а целый десяток бурных сборищ. И вдруг какой-то тихий голос прозвучал совсем рядом, над самым ухом Юсуфа:

— А знаешь ли ты, мальчик, куда попал?

— Нет, — ответил Юсуф.

— Это кладбище голосов.

— Кладбище голосов?

— Да, — прошептал всё тот же тихий голос. — Здесь собраны голоса всех тех людей — учёных, поэтов, борцов за свободу, — которых падишах казнил или заточил в тюрьмы за то, что они посмели поднять свои голоса против него, против его жестокости, несправедливости и жадности.

— Что же случилось потом? — спросил Юсуф.

— А то и случилось, что даже после заточения и казни голоса наши не умерли, а продолжали звучать по всей стране. Тогда падишах приказал их поймать и запереть в этом подземелье. Падишах уверен, что навсегда заставил нас замолчать и теперь ему нечего опасаться. Ха-ха-ха! Как же глуп падишах!

— Почему ты считаешь его таким глупым? — спросил Юсуф.

— Да потому, что, заточив нас всех вместе, он сам соединил наши голоса воедино, в одну грозную силу, и этой силой мы пробиваем себе дорогу на волю. Довольно одной искры, и голоса наши загорятся, как проложенный во тьме фитиль взрывчатого снаряда, разнесут стены этого подземелья и вырвутся наружу, на свет. Но ведь мы не люди, мы всего лишь голоса — у нас нет рук. Зажги эту свечу — она загорится только от огня, который поднесёт к ней рука человека. Зажги, а потом скорей возвращайся к своему дереву и посмотри оттуда, что будет.

Юсуф взял свечу из ниши, зажёл её, поставил посередине зала и бросился бежать со всех ног. Едва успел он добежать до дерева и взобраться на одну из веток, как грянул оглушительный взрыв. Казалось, сводчатый потолок зала рухнул. Всё озарилось ярким светом, и Юсуф увидел, что вокруг него загорелись факелы — сотни, тысячи факелов. Они далеко, далеко освещали ему дорогу.

Юсуф обрадовался и стал быстро спускаться вниз. Три дня и три ночи спускался он всё ниже и ниже в глубь земли, поднимаясь в то же время всё выше и выше к вершине дерева. Когда ему хотелось есть, он срывал с дерева волшебные плоды и утолял ими голод. Эти плоды были слаще и сочнее винограда, потому что ведь это были не какие-нибудь плоды, а волшебные.

На четвёртый день факелы догорели, и Юсуф снова очутился в темноте. Он уж начал было подумывать, не вернуться ли ему обратно, как вдруг кто-то схватил его, оторвал от дерева, и Юсуфу показалось, что чья-то огромная рука, зажав его в кулак, несёт по воздуху. Он попытался вырваться, но это ему не удалось.

Минуту спустя рука осторожно опустила его на землю и поставила перед запертой дверью. Эта дверь была такой большой, что в неё без труда мог бы пройти великан, а уж Юсуф и подавно. Над дверью было написано:

«ГОРОД ЧЁРНОГО ВЕЛИКАНА».

Глава III

Едва только успел Юсуф прочесть надпись на двери, как почувствовал, что его опять кто-то схватил и поднял вверх. Он увидел огромную чёрную руку, державшую его, огромную чёрную грудь и огромное чёрное лицо, на котором сверкали два огромных чёрных глаза. Огромные чёрные губы великана задвигались, и Юсуф услышал громоподобный голос:

— Ты кто такой?

— А ты кто? — спросил Юсуф.

— Я чёрный великан, сын великана.

— А я Юсуф, сын сапожника. Я пришёл к вам оттуда — с земли.

— Но я что-то не разберу, какого ты цвета, — сказал великан. — Ты и не чёрный и как будто не белый...

— Дома нас называют смуглыми.

— Тогда прости, — сказал чёрный великан. — Таких, как ты, мне не надо. Ступай себе! Можешь идти, куда шёл!

Юсуф не совсем понял, что сказал ему чёрный великан, но, так как жизнь была ему дорога, он постарался поскорей убраться отсюда и бросился бежать со всех ног.

Когда Юсуф немного отдышался и пришёл в себя, он увидел, что попал в очень большой город. В этом городе жили чёрные и белые люди. Чёрные были здесь хозяевами, а белые — рабами. Они были закованы в кандалы и жили в грязных, убогих хижинах. Чёрные били их и заставляли работать без передышки.

Четыре дня и четыре ночи шёл Юсуф по городу и повсюду видел одно и то же. Всё это очень удивило его, и прежде чем покинуть этот странный город, он решил пойти к чёрному великану и расспросить его обо всём как следует.

— Объясни мне, пожалуйста, чёрный великан, — сказал Юсуф, — в чём тут дело? Почему в этом городе все белые люди рабы, а чёрные — их господа?

Чёрный великан засмеялся.

— А потому, — сказал он, — что у вас на земле всё как раз наоборот: белые — господа, а чёрные — рабы. Когда я узнал об этом, я очень рассердился и у себя в царстве превратил всех белых людей в рабов, а чёрных поставил над ними господами. Мало того, я ловлю всех белых, которые попадают сюда с земли, и заковываю их в цепи.

— Ну и очень плохо, — сказал Юсуф.

— Почему? — спросил чёрный великан.

— А вот прикажи-ка привести сюда какого-нибудь белого раба, — сказал Юсуф, — и я объясню тебе почему.

К Юсуфу привели белого раба.

— Порежь ему палец! — сказал Юсуф.

— Ха-ха-ха! — засмеялся чёрный великан. — С большим удовольствием!

Он порезал палец белому рабу. Из ранки потекла красная кровь.

— А теперь порежь палец себе, — сказал Юсуф чёрному великану.

Чёрный великан порезал палец себе. Из его пальца тоже потекла красная кровь.

— Вот видишь! — сказал Юсуф. — У тебя кожа чёрная, а кровь красная; у него кожа белая, а кровь тоже красная. Выходит, что все люди одинаковы, какого бы цвета ни была у них кожа.

— Что же мне делать? — спросил чёрный великан и бросил игральные кости. Такая уж у него была привычка: он никогда ничего не решал, не узнав наперёд, что они ему предскажут.

— А по-моему, вот что надо сделать, — сказал Юсуф. — Пускай не будет ни белых, ни чёрных рабов. Нужно устроить так, чтобы все люди жили в мире и согласии, вместе трудились и во всём помогали друг Другу. Это я могу сказать тебе и без гаданья. Умом надо раскидывать, а не костями!

— Твой ум правду говорит, — сказал чёрный великан. — Сегодня же я отпущу всех белых рабов на волю! С этого дня в моём царстве будут жить только свободные люди. Пусть и чёрные и белые трудятся вместе. Оставайся и ты с нами. Я сделаю тебя правителем моего города.

— Нет, — сказал Юсуф, — я не хочу быть правителем. Мне нужно лезть дальше по волшебному дереву. А уж если ты и вправду хочешь оказать мне услугу, посади меня опять на ту ветку, с которой снял.

Великан стал умолять Юсуфа остаться, но Юсуф не согласился. Тогда великан поднял его и посадил на то самое место, откуда взял.

И опять Юсуф стал спускаться в темноту. Ниже, ниже... Наконец мрак начал постепенно рассеиваться, и Юсуф увидел, что на ветвях мерцают тысячи светлячков, освещающая ему путь к самому сердцу земли.

